

В. М. СОЛНЦЕВ

О ПОНЯТИИ УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

В последние десятилетия в специальных и общих работах по языкознанию широко используется понятие «уровня» (level). С помощью этого понятия характеризуют как само устройство языка (подсистемы в строении системы языка), так и различные этапы или фазы исследования языка¹. (Когда имеют в виду характеристику устройства языка, наряду с термином «уровень» используется также термин «ярус».) В этом отношении термин «уровень» делит судьбу многих лингвистических терминов, употребляющихся как в онтологическом, так и в эвристическом или, говоря иначе, операционном значении. (Ср. «универсалии» как высказывания о некоторых свойствах языков и как сами эти свойства). Оба употребления термина «уровень» тесно между собой связаны: исследование и описание какого-либо явления обычно предполагает и выделение самого этого явления как предмета описания. Использование общего термина для обозначения как самого явления, так и процесса его описания (познания) обуславливает часто недостаточно четкое различие онтологического и операционного значений термина². Такое различие представляется, однако, методологически важным во избежание подмены онтологических понятий операционными, что может вести к принятию операционных понятий и процедур описания за реальности языка. Последнее нередко имеет место в различных лингвистических сочинениях³.

В соответствии с заглавием настоящей статьи, в последующем изложении термин «уровень» будет использоваться только в онтологическом смысле для характеристики особенностей объективного устройства системы языка. Проблема же уровней в смысле этапов, или фаз описания, исследования или анализа есть особая проблема, которая здесь специально не рассматривается.

*

Понятие уровней получило широкое распространение первоначально в работах американских дескриптивистов, хотя идея стратификации языкового материала по определенным признакам никогда не была чужда лингвистике, что, в частности, проявляется в традиционном отнесении языкового материала к фонетике (фонологии), морфологии, синтаксису и т. п. (Впрочем в отличие от современных представлений, такие языковые стратумы обычно рассматривались как рядоположенные, но не как образующие сложную систему иерархических зависимостей.) В американской дескрип-

¹ См.: О. С. А х м а н о в а, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 487—488.

² Хотя доклад Э. Бенвениста на IX Международном конгрессе лингвистов озаглавлен «Уровни лингвистического анализа», в нем речь идет главным образом об «уровневой» стратификации собственно языкового материала на основе объективных свойств различных единиц языка и их взаимоотношения. Русский перевод доклада см. в сб. «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 434—449.

³ Например, в работах по так называемому «компонентному анализу» выделяемые лингвистами признаки значения, служащие для описания или раскрытия содержания значения, иногда принимаются за реальные компоненты или «части» значения.

тивистике идея уровней приобрела характер определенной концепции, касающейся «взаимоотношений различных строевых элементов внутри языковой структуры и методики описания языка»⁴. Идея «уровневой» характеристики строения системы языка и, соответственно, «уровневой» методики описания языка воспринята в настоящее время самыми различными лингвистическими направлениями и школами.

Можно полагать, что понятие уровней в том общем виде, в каком оно используется в лингвистике (если отвлечься от различных модификаций этого понятия у представителей разных школ), испытало сильное влияние концепции структурных уровней в естествознании, если вообще не было заимствовано из естествознания, где понятие уровней использовалось, в частности, в работах американских философов-материалистов Г. Ч. Брауна и Р. В. Селларса уже с начала XX в.⁵ Естественно-научная концепция уровней использует, в основном, понятие структурного уровня, или уровня организации живых систем, имея в виду эволюцию от более низкой организации к более высокой⁶. «Само слово „уровни“ предполагает прежде всего отношения каких-то „высоких“ и относительно „низких“ классов или ступеней развития структур тех или иных объектов. Иначе говоря, среди исходных представлений всякой концепции структурных уровней явно или неявно должны быть выражены какие-то представления и понятия высшего и низшего»⁷. Соотношение менее высоких и более высоких ступеней организованности объектов часто обозначается термином «иерархичность» структур этих объектов⁸.

Пснятие высших и низших ступеней, или уровней организации применяется не только для характеристики биосистем, но и любых материальных объектов. При этом понятия высших и низших ступеней, или уровней организации связываются с качественным своеобразием каждого уровня. Немецкий философ-материалист Г. Клаус пишет: «Каждая ступень организации материи имеет свои, присущие только ей качества, которые нельзя свести к более низким ступеням организации...»⁹.

Лингвистическая концепция уровней в различных своих разновидностях при онтологическом понимании уровней также пользуется понятиями высшего и низшего, понимая под низшими уровнями организацию более простых единиц, например, фонем, в некоторую подсистему, а под более высокими уровнями, организацию более сложных единиц, например, слов. Фонемы, морфемы, слова и т. д. и образуемые ими подсистемы характеризуются качественным своеобразием¹⁰. Отношения между единицами разных уровней в лингвистике также часто определяются термином «иерархичность».

⁴ С. Д. Кацнельсон, О понятии «уровня» в современном языкознании, «Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке», М., 1962, стр. 5.

⁵ См.: В. И. Кремянский, Очерк теории «интегративных уровней», «Проблемы методологии системного исследования», М., 1970, стр. 394 и сл.

⁶ Там же, стр. 395—396.

⁷ В. И. Кремянский, Критерии структурных уровней биосистем, «Проблемы методологии...», стр. 227—228.

⁸ Там же, стр. 228.

⁹ Г. Клаус, Кибернетика и философия, М., 1963, стр. 128.

¹⁰ Кригику теорию уровней в том виде, как она представлена у дескриптивистов, С. Д. Кацнельсон отмечает, что «слово „состоит“ из морфем совсем не так, как предложение „состоит“ из слов...» (С. Д. Кацнельсон, О теории лингвистических уровней, сб. «Вопросы общего языкознания», М., 1964, стр. 39). Иными словами, наблюдается качественное своеобразие «вхождения» менее сложных единиц в более сложные. В более поздней работе С. Д. Кацнельсон пишет: «Качественные различия реальных языковых единиц не принимаются этой теорией в расчет, все сводится к различиям „уровней сборки“; единица одного „уровня анализа“ отличается в такой интерпретации от другой только степенью своей сложности и ничем иным» (С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, Л., 1972, стр. 99).

Нетрудно видеть известное сходство использования понятия «уровень» в лингвистике и, например, в биологии. Это сходство обусловлено тем, что язык в свете современных представлений выступает как сложная система, характеризующаяся наличием частных подсистем, обладающих разным назначением и различной степенью сложности. Являясь системным объектом, язык в этом качестве обнаруживает ряд общих черт с другими системными объектами, и, в частности, с биосистемами. В силу этого выделение объективных подсистем (уровней) в общей системе языка для познания сущности системной организации языка имеет не менее важное методологическое значение, чем выделение «уровней организации», например, в биосистемах или других материальных объектах. В то же время нельзя не видеть глубокого различия понятия уровня в языке и в биосистемах. Если в биологии понятие высших и низших уровней в значительной мере связано с эволюционным развитием живой природы, то применительно к языку невозможно говорить о том, что его высшие уровни являются результатом эволюции низших: предложение не развивается ни из фонем, ни из морфем, ни из слов.

Это различие обусловлено самой природой и назначением языка: язык есть материальная семиотическая (знаковая) система, предназначенная для передачи информации, т. е. язык есть средство общения людей.

Язык есть набор определенных единиц (разной степени сложности) и правил их использования. Языку как средству общения принадлежат модели или схемы, по которым строятся как сложные единицы языка, так и различные речевые произведения — конкретные словосочетания и предложения. Единицы языка суть либо двусторонние единицы — звуковые комплексы, выражающие определенные значения, либо односторонние единицы — отдельные звуки (фонемы), служащие для различения двусторонних единиц. Применение языка в качестве средства общения, т. е. его речевое использование, состоит в конечном счете в образовании из элементов языка особых систем, формирующих, выражающих и передающих информацию. Такие образующиеся в процессе речи системы представляют собой конкретные предложения, которые, будучи речевыми системами, состоят из единиц языка.

Сами единицы языка различаются по степени сложности и по своему назначению: фонемы образуют звуковую сторону морфем и слов, сочетания морфем образуют слова. Слова же образуют в соответствии с правилами свободные речевые единицы — конкретные словосочетания и предложения. При этом единицы более высокого порядка не развиваются из единиц менее высокого порядка.

Поэтому в языке и в речевых системах, образованных из единиц языка, отношения единиц низших и высших уровней есть отношение компонентов (составляющих) и целого, но не эволюционное отношение ¹¹.

¹¹ Я отвлекаюсь здесь от проблемы генезиса различных единиц языка и образуемых с их помощью речевых единиц, поскольку в любом доступном изучению языке между менее и более сложными единицами существует отношение компонентности, но не развития высших единиц из низших.

Если же встать на точку зрения распространенной гипотезы о первоначальном происхождении языка из нечленораздельных выкриков древнейших антропоидов и учесть, что такие нечленораздельные комплексы звуков служили для передачи какой-то информации, т. е. были аналогами того, что в современных языках называется предложениями, то процесс происхождения «уровней» в языках оказывается противоположным процессу развития «уровней» в биосистемах. Низшие уровни возникают в результате расчленения целого (т. е. высшего): членораздельные звуки выделялись из нечленораздельных звуковых комплексов, из нерасчлененных «предложений» выделялись «слова», в результате разложения «слов» образовались значимые части слов — «морфемы»

Тем не менее, различия единиц языка по степени сложности и назначению, обуславливающие их качественное своеобразие, а также своеобразное «вхождение» низших единиц в высшие, позволяет применять к отношению между единицами разной степени сложности понятие «иерархичности»¹² и рассматривать такие единицы как единицы разных уровней. Иначе говоря, в языке, как и в других материальных системах, имеются объективные предпосылки в виде особенностей их строения для введения понятия разных уровней организации или разных уровней его строения, что, соответственно, предполагает и различные «уровни» его изучения и описания.

*

Введение понятия уровней в дескриптивной лингвистике во многом было обусловлено задачами разработки методик описания языка. Отсюда — исключительно большое внимание к операционной, эвристической стороне понятия «уровень».

В дескриптивной лингвистике уровни часто рассматриваются как этапы анализа, основывающиеся на учете «восходящих уровней сложности организации»¹³. В более поздней работе Дж. Трейджер пишет: «Уровни представляют собой последовательные утверждения (consistent statements) различной значимости, выведенные из материала»¹⁴. Словоупотребление «уровни анализа» и «уровень организации» в работах ученых дескриптивной школы как бы предполагают друг друга. Различение уровней считается важнейшим методологическим принципом. «Исследователь должен все время иметь в виду уровневые различия, и систематическая подача материала (systematic presentation) всегда должна осуществляться в логической последовательности, в одном линейном порядке (in one linear order) при тщательном различении уровней»¹⁵.

Однако дескриптивная лингвистика не дала объективных критериев выделения «уровней организации». Кроме того, введение операционных уровней, или «уровней анализа», объективно диктуется во многом логикой хода анализа, пожалуй, иногда в большей мере, чем реальной стратификацией языкового материала, хотя учет разной степени сложности организации в языковой системе остается исходным пунктом для выведения понятий уровней. Введенным Дж. Трейджером 27 уровням анализа языкового материала вряд ли вполне соответствуют реальные уровни организации самой системы языка¹⁶. Недостаточно четкое разграничение операционного и онтологического значения термина «уровень» объективно ставит «уровень языка» в зависимость от «уровня анализа», несмотря на установак извлечения «уровневых утверждений» из материала.

Следует отметить, что в работах американских ученых, разрабатывающих стратификационный (т. е. по существу «уровневый») подход к анализу языка, наблюдается явное усиление внимания к изучению собственно уровневой организации самого языка. Так, С. Лэм отмечает, что в первом

¹² Как будет показано ниже, не всякое отношение по степени сложности есть отношение иерархическое и свидетельство принадлежности соответствующих единиц к разным уровням.

¹³ G. L. Trager, H. L. Smith, *An outline of English structure*, Washington, 1957, стр. 81.

¹⁴ G. L. Trager, *Linguistics is linguistics*, Buffalo — New York, 1963, стр. 24.

¹⁵ G. L. Trager, H. L. Smith, *указ. соч.*, стр. 54.

¹⁶ G. L. Trager, *указ. соч.*, стр. 24, где говорится, что язык «должен рассматриваться тремя способами... на первом уровне анализа, а затем девятью способами на втором уровне». Трейджер замечает там же, что «имеется еще и третий уровень, что в итоге дает 27 рубрик».

издании его работы «Очерк стратификационной грамматики» (1962) «акцент делался на лингвистическом описании, характеристика же свойств лингвистической структуры была подчинена этой цели, была разрозненной и фрагментарной»¹⁷. В новом переработанном издании, как пишет С. Лэм, «характеристике лингвистической структуры придано особое значение, она расширена и сделана более целостной (consolidated)»¹⁸. Согласно С. Лэму, «все естественные языки имеют по крайней мере четыре стратума, а некоторые языки, включая английский, — шесть»¹⁹. Такая шестистратумная структура «может рассматриваться как состоящая из трех основных частей — *семология, грамматика и фонология*, каждая из которых включает по две стратумные системы (stratal systems)»²⁰.

Стратификация языкового материала у С. Лэма в конечном счете вытекает из задач разработки методики описания языка.

В работах других лингвистов основное внимание уделяется анализу уровневой организации языка в связи с особенностями его единиц, хотя проблема критериев вычленения уровней в самом языке также не получает необходимого освещения. Так, Э. А. Макаев, перечислив существующие, по его мнению, уровни языка (фонологический, фономорфологический, морфемный, синтагматический, лексический и метасемиотический, т. е. уровень стилистики), дает следующую характеристику уровней: «Отличие низших уровней от высших заключается не только в том, что однолинейным единицам (т. е. единицам, данным лишь в плане выражения) низших уровней противостоят единицы двусторонние (т. е. единицы, данные одновременно и в плане выражения, и в плане содержания), но и в том, что по направлению от низших единиц к высшим, от низших уровней языка к высшим возрастает количество конститутивных единиц уровня, увеличивается архитектурная сложность данных единиц, возрастает сложность их парадигматических и синтагматических отношений, возрастает степень их вариативности»²¹.

Это есть уже собственно онтологическое понимание уровней, которые характеризуются в соответствии со свойствами единиц, составляющих уровень.

Понимание уровней в онтологическом смысле в настоящее время, по-видимому, является преобладающим. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы советско-чехословацкого симпозиума (с участием лингвистов Польши и ГДР), посвященного уровням грамматической системы языка и их взаимодействию²². Общность взглядов на понятие уровня как на особенность устройства самой системы языка, а также речевых систем, образующихся с помощью языковых средств²³, еще далеко не свидетельствует об общности взглядов на количество уровней в языке и их отличительные особенности. «В том, что можно условно назвать „теорией уровней“ в языкознании, сейчас наблюдается поразительный даже для нашей науки разброд. Количество уровней возросло до астрономических размеров, сама система уровней является „открытой“, т. е. потенциально

¹⁷ S. M. Lamb, *Outline of stratificational grammar*, Washington, 1966, стр. iii.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Э. А. Макаев, Понятие давления системы и иерархия языковых единиц, ВЯ, 1962, 5, стр. 49.

²² См. сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969.

²³ Фр. Данеш, К. Гаузенблас, Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств, сб. «Единицы разных уровней...», стр. 8.

может пополниться почти любым уровнем»²⁴. Причина такого положения состоит, очевидно, в отсутствии достаточно определенных объективных критериев выделения уровней²⁵.

Понятие уровней в лингвистике (в онтологическом смысле) чаще всего связывают с различного рода наборами или совокупностями единиц. «Исходный пункт выделения уровней обычно один и тот же: уровни выделяются соответственно основным единицам языковой системы. Различия между школами и исследователями определяются тем, какие из этих единиц считаются основными»²⁶.

Поскольку в языке нет ничего, кроме различного рода единиц и правил их комбинирования²⁷, постольку связь понятия языкового уровня с совокупностью каких-то единиц несомненна.

Трудность заключается в выборе самой совокупности единиц, которая может служить объективным основанием для выделения некоторого уровня, что в свою очередь требует выявления «уровневых» свойств единиц, т. е. таких свойств, которые могут служить отличительной характеристикой всей совокупности данных единиц. Единицы, обнаруживаемые в различных современных языках, исключительно разнообразны. Совокупность, например, производных слов в языке составляет некоторый набор единиц, отличный от набора единиц, образованных соответственно простыми и сложными словами. Набор единиц, образованный корневыми морфемами, отличен от набора единиц, состоящего из словообразовательных морфем. Набор гласных фонем отличен от набора согласных. Совокупность взрывных согласных отлична от совокупности аффрикат и т. д. и т. п. Значит ли это, что следует выделять «уровень производных слов», «уровень простых слов», «уровень сложных слов», «уровень корневых морфем», «уровень словообразовательных морфем», «уровень гласных фонем», «уровень аффрикат» и т. д.?

Если идти по этому пути, то придется выделять в языке столько уровней, сколько группировок языковых величин можно выделить. Объединение языковых величин (единиц) в различные группировки можно производить по самым различным признакам. Это может оказаться необходимым для определенных целей. Однако признание таких группировок уровнями превращает понятие уровня в простое наименование некоторых наборов единиц, выделенных по тем или иным, хотя и объективным, но частным признакам, присущим лишь части единиц, и потому в известной мере случайным, не связанным друг с другом, не обязательно характерным для общей структурной организации человеческого языка.

При таком подходе к уровням понятие уровня ставится в зависимость от выбора тех или иных признаков для группировки единиц, т. е. в зависимость от точки зрения исследователя и преследуемых им в данный момент целей. Иначе говоря, определение уровня языка в этом случае также попадает в зависимость от «уровня анализа» и рассмотрения языкового материала: уровень онтологический ставится в зависимость от уровня операционного. Выделение, например, словообразовательного уровня на основании наличия в языках словообразовательных морфем оправдано в

²⁴ А. А. Леонтьев, Проблема уровней как психолингвистическая проблема, сб. «Единицы разных уровней...», стр. 263.

²⁵ Проблема «объективных критериев для определения действительно основных структурных уровней» является острой и в естествознании. См.: В. И. Крестьянский, Очерк теории «интегративных уровней», стр. 396.

²⁶ В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, К соотношению единиц словообразования и морфологии, сб. «Единицы разных уровней...», стр. 120.

²⁷ Правила комбинирования единиц в конечном счете обусловлены присущими им свойствами. По этому поводу см.: В. М. Солнцев, Язык как системно-структурное образование, М., 1971, стр. 63.

той же мере, как и выделение словоизменительного уровня. Но и словообразовательные, и словоизменительные морфемы — это всего лишь разновидности морфем как значимых несамостоятельных частей слов. В своих наиболее общих свойствах (например, с точки зрения свойства синтаксической несамостоятельности) эти виды морфем не отличаются от всех других, в том числе и знаменательных, морфем. Совокупность словообразовательных морфем есть, забегая вперед, внутриуровневая группировка единиц, входящая в общий морфемный уровень.

Если исходить из предположения, что в системе языка имеются различные уровни организации²⁸, т. е. уровни, в которых проявляется структурное устройство языка и выделение которых не зависит от точки зрения исследователя, а навязывается самой системой языка, то прежде всего следует выяснить, существуют ли такие свойства у единиц языка, которые присущи всем единицам языка, т. е. являются общими для всех единиц языка и могут служить единым и общим основанием для выявления места тех или иных единиц в системе языка, наподобие того, как свойство иметь тот или иной атомный вес, являясь общим свойством всех химических элементов, позволяет определить их порядковое место в общей системе элементов.

*

Свойства всех единиц языка проявляются в их отношениях с другими единицами языка. Что же касается этих отношений единиц языка между собой, то в наиболее общем виде (отвлекаясь от конкретных видов отношений) их можно свести к трем видам: синтагматические, парадигматические и иерархические. Синтагматические — это отношения единиц в линейной последовательности (иначе их называют комбинаторными); парадигматические — это, по терминологии Ф. де Соссюра, ассоциативные отношения (группировки единиц в классы на основании общности или сходства их некоторых существенных свойств); иерархические отношения — это отношения по степени сложности, или отношения «вхождения» (компонентности) менее сложных единиц в более сложные. Иерархические отношения могут быть определены в терминах «входит в...» или «состоит из...»²⁹.

Синтагматические отношения могут характеризоваться отношением реального (актуального) взаимодействия. В абстрактной форме они могут быть представлены как отношения некоторых классов. Парадигматические отношения никогда не характеризуются отношением реального взаимодействия, так как они представляют собой отношения относительно однородных единиц, образуемых, говоря словами Ф. де Соссюра, по «умственной

²⁸ А именно к этому подводят исследования различных авторов, касающихся проблемы уровней или стратификации языкового материала.

²⁹ Здесь следует сделать одно существенное уточнение. Иерархические отношения — это всегда отношения по степени сложности. Отношения сложности, однако, не всегда являются иерархическими, или отношениями «вхождения». Так, слова разного морфемного состава обладают разной степенью сложности, например, *стол* и *стол-ик-у*. Однако между этими словами нет отношения «вхождения». В состав слова *столику* входит не слово *стол*, а морфема *стол-*. По своим общим грамматическим свойствам слова *стол* и *стол-ик* в системе русского языка являются однородными: и то, и другое слово принадлежит к классу существительных. В этом смысле они могут быть охарактеризованы как единицы, не находящиеся в иерархических отношениях.

При разной степени сложности двух единиц отношения между ними характеризуются как иерархические только при условии возможности определения этих отношений в терминах «состоит из...» или «входит в...». В том же случае, когда две единицы, типа *стол* и *стол-ик*, обладающие разной сложностью своего состава, не обнаруживают иерархических отношений, они могут быть определены как единицы относительно однородные и в определенном смысле как единицы одной степени сложности.

ассоциации»³⁰. Иерархические отношения — это отношения вхождения более простой единицы в более сложную. Это отношения целого и части, т. е. отношения, характеризующие строение различных единиц (как собственно языковых, так и речевых, образуемых в процессе использования языковых средств)³¹.

Способность вступать в указанные три вида отношений относится к числу наиболее общих свойств всех единиц языка. Все эти три вида отношений определенным образом между собой связаны.

Наблюдения показывают, что в синтагматические отношения могут вступать отнюдь не любые единицы языка, но лишь единицы относительно одинаковой степени сложности (относительно однородные единицы). Так, например, в линейной последовательности фонемы не сочетаются ни с морфемами, ни со словами, но только с другими фонемами; морфемы не сочетаются ни с фонемами, ни со словами, но только с другими морфемами, слова сочетаются только с другими словами, но не с предложениями и не со словосочетаниями³².

Способность соответствующих единиц вступать в синтагматические отношения сопровождается способностью тех же единиц вступать в парадигматические отношения. Так, фонемы группируются в различные классы, или парадигмы, например, классы гласных и согласных. Эти классы в свою очередь объединяются в общий класс «фонем». Такой класс является предельно широким объединением данных единиц (фонем) в языке. Его уже нельзя объединить в более широкий класс ни с какими другими единицами языка. Морфемы (понимаемые как значимые части слов, т. е. в бодуэновском смысле) могут образовывать различные группировки, или классы: классы знаменательных морфем, словообразовательных морфем, словоизменительных морфем, и т. д. Все морфемы языка составляют общий класс «морфем», являющийся предельно широким объединением морфем. То же самое можно сказать и о словах, которые образуют различные группировки (классы), например, существительных, глаголов и т. п., классы слов знаменательных и слов служебных и т. д. Все слова в своей совокупности образуют предельно широкое объединение данных единиц (слов) в языке.

³⁰ Ф. де Соссю р. Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 123.

³¹ Следует также оговорить, что под иерархическими отношениями понимаются отношения качественно различных единиц разной степени сложности, из которых одна является компонентом другой. Нужно иметь в виду, что термины «состоит из...» и «входит в...» могут характеризовать и другой тип отношений, а именно отношение элемента и множества: множество состоит из элементов, элементы «входят» в множество. Однако множество есть лишь совокупность относительно однородных единиц, но не качественно новая единица.

³² При «сочетании» слова с каким-либо словосочетанием, например, *купил интересную книгу* слово *купил* соединяется со словосочетанием *интересную книгу* через посредство стержневого слова этого словосочетания — *книгу*. «Сочетание» слова со словосочетанием по форме всегда выступает как связь двух слов, одно из которых (входящее в словосочетание) распространено другим словом. Это касается как свободных словосочетаний, так и различных идиоматических словосочетаний. Например, идиома *сломя голову* присоединяется к глаголу *бежать* через посредство слова *сломя*. Ср. *бежать, сломая голову* и *бежать, припадая на козю*. В рамках данной статьи нет возможности разбирать случаи, когда в качестве какого-либо члена предложения выступает в свою очередь предложение, т. е. как будто имеет место сочетание предложения со словом, образующим другой член предложения, а также случаи, когда при близости свойств простого слова и морфемы (например, в изолирующих языках), наблюдается как бы сочетание слова с морфемой. Эти явления не отменяют общего правила, согласно которому в синтагматические отношения вступают относительно однородные единицы. Разбор этих явлений см. в работе: В. М. Солнце в, указ. соч., стр. 79, 82.

Что же касается некоторых видов служебных слов (союзов), то они не столько «соединяются» с предложениями, сколько «соединяют» предложения, являясь своего рода посредниками между предложениями.

Предельно широкие объединения единиц можно назвать сверхклассами, или сверхпарадигмами.

Объединение единиц в сверхклассы, или сверхпарадигмы подчиняется определенным правилам, поскольку всякая языковая парадигма не есть простой набор или случайный класс единиц, а есть класс, образующийся на основании определенных свойств и признаков единиц. (Поэтому можно сказать, что всякая языковая парадигма есть класс единиц, но не всякий класс единиц есть языковая парадигма). Процедуру объединения единиц в сверхпарадигмы с известной долей упрощения можно показать на примере таких единиц, как слова. Каждое слово, если оно обладает системой разных грамматических форм (*дом, дома, дому, домою, домами*), само по себе есть некоторая малая парадигма. В качестве «малой парадигмы» слово *дом* (взятое как система, т. е. парадигма форм), объединяется с другими «малыми парадигмами», обладающими сходными или аналогичными свойствами, например, словами *столб, камень, книга* и т. д. в класс (парадигму) существительных. Парадигмы, представляющие собой знаменательные части речи, образуют большую парадигму **знаменательных слов**. Точно так же все разряды слов служебных образуют **служебных слов**. Слова знаменательные и слова служебные объединяются в сверхпарадигму **слов**. Общим свойством как знаменательных, так и служебных слов, отличающим их от морфем всех типов, является свойство синтаксической самостоятельности и отдельности.

В каждом сверхклассе, или сверхпарадигме обнаруживаются только относительно однородные единицы, т. е. единицы, могущие вступать между собой в синтагматические отношения. Так, в одном сверхклассе не могут быть одновременно представлены фонемы и морфемы, фонемы и слова и т. д. В сверхклассы объединяются только единицы, обладающие способностью к линейной (синтагматической) сочетаемости³³.

Представители (члены) сверхклассов не вступают с представителями (членами) других сверхклассов ни в парадигматические, ни в синтагматические отношения. Между членами разных сверхклассов могут быть только иерархические отношения, или отношения вхождения, которые и определяются в терминах «состоит из...» или «входит в...». Так, фонема входит в состав звуковых оболочек морфем (и уже в составе звуковых оболочек морфем — в слова), морфемы входят в слова, слова входят в предложения.

Сверхпарадигмы, представляющие собой совокупности относительно однородных единиц, являются такими объективными группировками единиц, выделение которых осуществляется по единым, общим для всех единиц языка признакам. Такие сверхпарадигмы и представляют собой уровневые объединения единиц или уровни системы языка.

Уровень включает в себя совокупность всех относительно однородных единиц (единиц одной степени сложности), которые могут вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения, но не могут находиться в иерархических отношениях (фонемы не могут состоять из фонем, морфемы не могут состоять из морфем, слова не могут состоять из слов)³⁴.

³³ Имеется в виду принципиальная возможность сочетаемости. В действительности же в разных языках имеются определенные ограничения в сочетаемости и фонем, и морфем, и слов. (Например, в русском языке наречия, как правило, не сочетаются с существительными и т. п.). Речь идет лишь о том, что фонемы сочетаются именно с фонемами, морфемы с морфемами, а слова со словами.

³⁴ Ср. близкую к приведенной характеристику отношений единиц одного уровня между собой и с единицами других уровней у Э. Бенвениста: «Вследствие того что языковые сущности дискретны, они допускают два типа отношений — отношения

Уровень языка как сверхпарадигма отражает парадигматическое строение всех единиц языка. Такие «простые» единицы, как фонема и морфема, сами по себе уже представляют собой некоторые парадигмы («малые парадигмы») — фонема есть класс функционально тождественных (и обычно фонетически сходных) звуков, морфема есть класс своих конкретных разновидностей (морф, или алломорф). Объединяясь с другими «малыми парадигмами», фонемы, например, образуют классы фонем, морфемы — классы морфем и т. д.

Сверхпарадигма (уровень) является результатом «исчерпывания» способности единиц определенного типа к парадигматическому объединению с подобными ей единицами. Парадигматические свойства единиц в пределах уровня оказываются полностью реализованными. По отношению к единицам других уровней единицы данного уровня уже не могут реализовать своих парадигматических свойств, поскольку единицы других уровней характеризуются иным качественным своеобразием, что исключает объединение их в общий класс по «умственной ассоциации» (т. е. на основании существенно общих свойств). В пределах уровня объединения «исчерпываются» (т. е. полностью реализуются) и все синтагматические свойства единиц, т. е. их способность к актуальному сочетанию (комбинированию) в линейной последовательности.

Сверхпарадигмы, или уровни, представляют собой в каждом языке упорядоченные множества единиц и, в силу этого, являются некоторыми системами (подсистемами общей системы языка). Каждый уровень и его единицы характеризуются качественным своеобразием, что и позволяет говорить об уровне организации в самой системе языка. Границы между уровнями означают «переломы качества». Так, если синтаксически самостоятельная единица — слово (т. е. единица, относящаяся к словесному уровню), приобретает качество синтаксически несамостоятельной части слова — морфемы³⁵ (т. е. единицы морфемного уровня), то в этом случае происходит качественное изменение единицы. Аналогично, при обратном процессе «оживления» слова из морфемы (иногда даже из суффиксальной) у единицы возникает новое качество. (Ср., например, английский суффикс числительных, «восстановивший» качество слова: a girl in her teens.)

Единицы, составляющие уровень организации, или систему (подсистему), являются элементами по отношению к этой системе и потому являются неделимыми в пределах своего уровня. Так, слово любого морфемного состава (т. е. сама по себе сложная единица), являясь элементом словесного уровня, также неделимо в пределах своего уровня, как, например, фонема в пределах своего, а морфема в пределах морфемного уровня. Деление на части любого слова ведет к переходу на другой уровень, т. е.

между элементами разных уровней или отношения между элементами одного уровня. Эти отношения необходимо строго различать. Между элементами одного уровня имеют место дистрибутивные отношения, а между элементами разных уровней — интегративные (Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 441). Дистрибутивные отношения у Э. Бенвениста включают синтагматические и парадигматические отношения (там же, стр. 435), а интегративные характеризуются по способности единицы быть «составной частью» единицы высшего уровня, «интегрантом которого она становится» (там же, стр. 441).

³⁵ По поводу происхождения морфем из самостоятельных слов см., например, работы: Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение, «Избр. труды». 1, М., 1956, стр. 148; Б. А. Серебряников, О сущности процессов изменения слов и словосочетаний и о природе и характере структуры слова в тюркских и финно-угорских языках, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 216; К. Е. Майтинская, Об отграничении слова от части слов (на материале финно-угорских языков), сб. «Морфологическая структура слова...», стр. 92.

к единицам другой системы (подсистемы)³⁶. Именно поэтому между единицами одного и того же уровня нет иерархических отношений, или отношений «вхождения», характеризующихся в терминах «входит в...» или «состоит из...». Слова никогда не состоят из слов, фонемы из фонем, морфемы из морфем, предложения из предложений. В составе сложных предложений составляющие их предложения, как известно, утрачивают качество самостоятельных предложений³⁷.

Иерархические отношения характеризуют только отношения между единицами разных уровней, т. е. отношения качественно различных величин. При этом переход от единицы более низкого уровня к единице более высокого уровня осуществляется, как правило, в результате комбинирования, т. е. реализации синтагматических свойств элементов более низкого уровня (речь идет, еще раз подчеркиваю, об устройстве языка в его синхронном состоянии). Так, комбинации фонем составляют звуковые оболочки морфем, комбинации морфем образуют слова, а комбинации слов — предложения³⁸. Но это значит, что в синтагматике языка (в его речевых цепях) представлены иерархические отношения. Иными словами, синтагматические отношения выступают формой существования иерархических отношений. Поэтому в предложении оказываются представленными своими отношениями все уровни языка. Это в свою очередь означает, что все уровни могут быть обнаружены в речевой цепи, или в синтагматике. В силу этого вряд ли можно считать справедливым замечание С. Д. Кацнельсона о том, что «добывая языковые единицы непосредственно из фразы, и располагая их по уровням в зависимости от последовательности их вычленения из фразы, теория уровней явно упрощает дело. Из двух типов отношений, характеризующих речевую деятельность, — парадигматических и комбинационных — она, в сущности говоря, учитывает только комбинационные»³⁹. Но ведь все дело именно в том, что синтагматика есть форма существования иерархичности. Поэтому «добывать» единицы разных уров-

³⁶ Ср. с этим замечание Г. Клауса о применении операции деления к системе натуральных чисел: «Любое применение операции деления выводит нас за пределы системы, так как могут возникнуть числа, уже не являющиеся натуральными, например, дроби» (Г. Клаус, указ. соч., стр. 118).

³⁷ Т. П. Ломтев связывает понятие уровня с отношениями порядка, понимая под отношениями порядка отношения типа «больше или меньше», «старше или моложе», «длиннее или короче». «Уровнем мы будем называть место данного объекта в множестве других объектов, связанных отношением порядка» (Т. П. Ломтев, Отношения порядка как основание выделения уровней синтаксических объектов, сб. «Единицы разных уровней...», стр. 143). Последовательность уровней Т. П. Ломтев в связи с этим строит на основе «принципа деривационности» (там же, стр. 144). В соответствии с этим у него основа *писа-*, слова *писатель* и *писательский* оказываются объектами трех разных уровней (там же, стр. 146). В соответствии с излагаемой здесь точкой зрения на уровни, слова любой сложности, в той мере, в какой они являются именно словами, являются объектами одного уровня. Это же относится и к предложениям разной сложности. С нашей точки зрения, отношения порядка, истолкованные в смысле «больше или меньше», «длиннее или короче», не могут быть свидетельством иерархических отношений, т. е. отношений компонентности, обуславливающих качественное различие объектов, принадлежащих разным уровням.

³⁸ Это так называемые нормальные случаи различия единиц разных уровней. В частных же случаях, при «нейтрализации» внешних различий единиц разных уровней качественно разные единицы могут внешне не различаться, как в примере А. А. Реформатского: *eo rus* «я еду в деревню», *i* — «поезжай!», где *i* — фонема, морфема, слово и предложение (А. А. Реформатский, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 21). В этом случае качественные (уровневые) различия единиц устанавливаются косвенно, путем сопоставления таких «вырожденных» случаев с нормальными.

³⁹ С. Д. Кацнельсон, О теории лингвистических уровней, стр. 37. См. также: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, стр. 99, где излагаются аналогичные идеи.

ней моя но только из фразы⁴⁰. Другое дело, что объединение единиц одной степени сложности (т. е. относительно однородных единиц) в сверхпарадигму (уровень) требует выхода за пределы синтагматики и учета способности единиц объединяться в классы, т. е. учета их парадигматических свойств. Но это, в конечном счете, опять предполагает обращение к речевой цепи (синтагматике), поскольку членами одной парадигмы обычно считаются такие элементы, которые либо занимают в речевой цепи «одно и то же место» (без каких-либо ограничений), либо же при употреблении в речевой цепи находятся в отношениях «дополнительной дистрибуции», как, например, разные формы одного и того же слова.

*

Распределяя языковой материал по «участкам» — фонетика (фонология), морфология, лексикология, синтаксис — традиционная лингвистика интуитивно или вполне осознанно опиралась на качественное своеобразие разных единиц и, по сути дела, проводила в известном смысле уровневое разбиение языкового материала, хотя и не пользовалась термином «уровень». Отсутствие общих критериев препятствовало, однако, достаточно четкому разграничению уровней. Впрочем нечеткость разграничения уровней сохранилась и после введения самого понятия «уровень».

Применение единого критерия в виде трех типов отношений (синтагматических, парадигматических и иерархических), свойственных каждой единице языка, может служить ориентиром, или исходным принципом для выделения уровней, но не позволяет механически распределить все языковые величины по уровням. Для распределения всех величин по уровням требуется решение ряда дополнительных проблем. Одной из сложных проблем является выяснение вопроса о том, к отношению каких единиц и в какой мере применимы термины «входит в...» или «состоит из...».

В упоминавшейся работе Э. Бенвениста об уровнях, где четко сформулированы основные типы отношений, в которые могут вступать единицы разных уровней, в качестве самого низшего уровня выделяется субфонематический, или «меризматический» уровень. Его единицами признаются дифференциальные, или различительные признаки фонем⁴¹. Э. Бенвенист отмечает невозможность сегментации дифференциальных признаков, что влечет за собой отсутствие синтагматических отношений между этими признаками, но допускает возможность их субституции, что, по его мнению, свидетельствует о возможности установления парадигматических отношений между ними. Это и служит для него основанием для выделения данного уровня⁴². Если даже согласиться с возможностью субституции отдельных дифференциальных признаков другими⁴³, то остается открытым вопрос о возможности применения к отношению между признаками и объектами, свойствами которых они являются, понятий «состоит из...» и «входит в...». Вообще говоря, объект о б л а д а е т признаками, но не с о

⁴⁰ Различные «уровни» присутствуют во фразе одновременно. Их следует только поэтапно вычленять. Такое поэтапное вычленение хорошо иллюстрируется Дж. Трейджером и Г. Смитом на примере анализа фразы *Long Island is a long island*. См.: G. L. Trager, H. L. Smith, указ. соч., стр. 68 и сл.

⁴¹ Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 436.

⁴² Там же, стр. 436. Согласно Э. Бенвенисту, различительные признаки выделяются «внутри фонемы» (там же, стр. 435).

⁴³ Это, с моей точки зрения, по меньшей мере спорно, поскольку, как отмечает сам Э. Бенвенист, «никакой из признаков не может быть реализован сам по себе, вне фонетической артикуляции, в которой он проявляется» (там же, стр. 436). Последнее означает, что субституция признаков в пределах одной фонемы невозможна. Замена признака другим означает появление другой фонемы. Поэтому субституция признаков является лишь мысленной операцией.

с т о и т из них. Камень не может состоять из веса, объема, твердости. Резина обладает свойством упругости, но упругость не есть ее составная часть. Точно так же отношения между фонемой и ее различительными признаками вряд ли могут быть определены как отношения компонентности (вхождения) ⁴⁴, или, по Э. Бенвенисту, — отношения интегративные.

Поэтому различительные признаки не составляют такого же уровня языка, как, например, фонемы. Они — лишь свойства единиц определенного уровня. Да и сам отмечаемый Э. Бенвенистом факт отсутствия синтагматических отношений у этих признаков говорит о неприменимости к ним «уровневых критериев».

Учет основных уровневых признаков сам по себе не может также решить вопроса о статусе в системе уровней языка того или иного выделенного уровня. Так, например, высказанное Э. Бенвенистом предположение о том, что предложение представляет собой единицу самого высокого уровня, было подвергнуто сомнению К. Пайком, допускающим существование еще более высоких уровневых объединений ⁴⁵. Следовательно, вопрос о реальном количестве уровней организации, определяемом по наиболее общим свойствам единиц языка, требует специального рассмотрения и анализа, выходящего за рамки настоящей статьи.

Здесь можно лишь кратко коснуться двух вопросов, связанных со строением уровней: вопроса о характере единиц, входящих в уровень, и вопроса о комбинациях единиц одного уровня, не ведущих к образованию качественно новых единиц другого уровня.

Единица фонемного уровня — ф о н е м а — представляет собой абстрактную единицу языковой системы, которая реально существует в виде класса функционально тождественных (и обычно фонетически сходных) звуков. Фонема представляет собой инвариант, т. е. идеальный объект, в котором отражены общие свойства целого класса конкретных звуков, являющихся вариантами данной фонемы. В силу этого каждый конкретный звук, принадлежащий к данному классу, несет в себе ф о н е м н ы е свойства и по существу является к о н к р е т н о й ф о н е м о й. Иначе говоря, фонема как абстракция существует в своих вариантах, как общее существует в отдельном. Конкретные звуки — варианты фонемы, называются фонемами или аллофонами. Они и являются конкретными фонемами. Термин же «фонема» представляет собой краткое наименование класса конкретных фонем. Таким образом, различие между фонемой и фоном (аллофоном) есть различие абстрактной и конкретной единицы. Фонема и фон есть разное обозначение одной и той же единицы, рассмотренной в абстрактной форме (в качестве инварианта) и в конкретной форме (в качестве реального звука — фона, наделенного определенной функцией).

С этой точки зрения, звуки (фоны) и обозначения классов, образованных функционально тождественными звуками, — фонемы не являются единицами разных уровней языка. Между фонемой как абстрактной единицей и звуком (фоном) нет иерархического отношения: звук не есть составная часть (компонент) фонемы. Звук (фон) есть конкретная фонема.

Аналогичное рассуждение может быть применено к таким единицам, как морфема и морф (алломорф). Морфема и морф не являются единицами разных уровней. Морф есть конкретная морфема. Морфема есть абстрактная единица, которая существует в каждом конкретном морфе и является кратким наименованием класса семантически и функционально тождествен-

⁴⁴ По этому поводу см.: А. П. Е в д о ш е н к о, Проблема структуры языка, Кипшев, 1967, стр. 3, 32; В. М. С о л н ц е в, указ. соч., стр. 196—200.

⁴⁵ «Proceedings of the IX international congress of linguists», The Hague, 1964, стр. 283 (выступление по докладу Э. Бенвениста).

венных морфов. Точно так же слово, с одной стороны, выступает как некоторая абстрактная единица — «слово вообще» и (в этом качестве его иногда называют лексемой) как реальное слово, характеризующееся реальным звуковым обликом.

В онтологии языка единицы, составляющие уровни, существуют в виде классов конкретных единиц, которые в абстрактной форме выступают как абстрактные единицы. Абстрактные единицы, например, фонема или морфема, отражают упорядоченность и организацию конкретных единиц, каждая из которых может быть рассмотрена как «представитель» абстрактной единицы. В известном смысле, можно, по-видимому, говорить, что единицы одного уровня представлены в виде абстрактных и конкретных единиц. И хотя абстрактные единицы не имеют самостоятельного (вне конкретных единиц) существования, они дают название данному уровню и рассматриваются как собственно уровневые единицы именно в силу того, что они отражают упорядоченность конкретных единиц, входящих в данное уровневое объединение⁴⁶).

Поскольку абстрактные единицы существуют в конкретных, постольку, например, наряду со словоупотреблением «конкретное слово состоит из морфов» правомерно выражение «слово состоит из морфем».

Что касается второго поставленного выше вопроса, то надо отметить следующее. Слово как единица словесного уровня представляет собой комбинацию морфем, однако не всякая комбинация морфем образует синтаксически самостоятельную единицу — слово. Комбинация морфем может быть синтаксически несамостоятельной частью слова — основой (например, во флективных языках, где основа есть часть слова за вычетом «изменяющейся части» слова). Комбинация фонем — слог только в некоторых, например, в так называемых изолирующих языках (китайский, вьетнамский и др.), есть звуковая оболочка морфемы или слова. Во многих других языках слог есть лишь фонетическая единица — «дуга произносительного напряжения», которая не совпадает со звуковой оболочкой морфемы. Наконец, во всех языках предложение есть сочетание слов, но не всякое сочетание слов есть предложение. Комбинация слов может быть словосочетанием.

Такие единицы, как слог, основа, словосочетание «состоят из» единиц соответствующих уровней, но они не обладают качественно новыми свойствами, необходимыми для квалификации их как единиц другого уровня (слог не обязательно есть носитель смысла, основа есть несамостоятельная часть слова, словосочетание не обладает свойством предикативности, а, как и слово, обладает номинативной функцией).

Следовательно, не всякая комбинация единиц одного уровня образует единицу вышестоящего уровня. Для образования единицы более высокого уровня требуется появление нового качества. Наличие единиц типа перечисленных выше, позволяет, по-видимому, говорить о существовании в языках единиц, находящихся вне основных уровневых объединений и образующих своего рода промежуточные межуровневые слои единиц. По своим свойствам такие единицы, однако, тяготеют к единицам тех уровней, из которых они составлены. Все это свидетельствует о сложности уровневой организации языка и требует специальных исследований⁴⁷.

⁴⁶ В свете сказанного вряд ли правомерно относить к разным стратумам языка такие единицы, как фон и фонема, морф и морфема и т. д., как это сделано у С. Лэма (S L a m b, указ. соч., стр. 20), если понимать уровень, или стратум языка в онтологическом смысле, а не в смысле уровня анализа.

⁴⁷ Наличие промежуточных, переходных случаев вообще весьма характерно для языковых явлений. К языку в полной мере применимы слова Ф. Энгельса о несовместимости с теорией развития hard and fast lines (Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы,

*

В отличие от таких единиц, как фонема, морфема и слово, являющихся, говоря словами Л. В. Щербы, принадлежностью репертуара языка «как системы», конкретное предложение является принадлежностью речи. Предложение уже не средство, а продукт применения языка, результат речевой деятельности. Если названные выше единицы обладают, согласно А. И. Смирницкому, свойством воспроизводимости в готовом виде⁴⁸, то предложение обладает свойством производимости в речи. Поэтому предложение и определяется как единица речи.

Та иерархичность отношений, которая характеризует отношения единиц разных уровней в системе языка, характеризует также и отношения единиц языка, например, слов, и такой единицы речи, как предложение. В свободно образуемой в речи единице — предложении (как уже говорилось, предложение есть система, несущая информацию) обнаруживается тот же системный принцип отношения более низких и более высоких образований, характеризующийся в терминах «состоит из...» или «входит в...»: предложения состоят из слов, слова входят в предложение. Более высокое образование качественно отлично от составляющих его частей. Предложение выражает и несет связную информацию, или, говоря словами школьной грамматики, выражает относительно законченную мысль. Слово же выражает отдельные смыслы (значения), которые сами по себе не составляют связной информации.

Помимо предложений, речевыми образованиями (единицами речи) могут быть и некоторые свободно образуемые в речи слова типа *стосабельный*, *трехсотсабельный* и т. д. (не говоря уже о так называемых свободных словосочетаниях). Слова — единицы речи состоят из морфем точно так же, как состоят из морфем воспроизводимые в готовом виде слова — единицы языка⁴⁹. Принцип «состоит из...» применим и к собственно единицам языка, и к образуемым из них единицам речи. В конечном счете, единицы речи состоят из единиц языка. Компонентами предложения могут быть как слова — единицы языка, так и слова — единицы речи (например, *в деревню прибыл пятидесятисабельный отряд*). Морфемы никогда не производятся в речи. Они всегда являются принадлежностью языка «как системы». В речевой же системе — предложении, морфема и предложение оказываются связанными в единой иерархической цепочке, где морфема и предложение оказываются крайними точками этой цепи. Морфема входит в предложение, предварительно войдя в состав слова, которое, будучи делимо на морфемы, выступает как неделимый элемент более высокой системы — предложения.

Схематически систему иерархической зависимости, обнаруживаемой в речевой системе, несущей информацию, можно изобразить следующим образом:

Морфема — слово — предложение

(простоты ради я оставляю в стороне все остальные единицы).

Таким образом, оказывается, что единицы низших уровней, например, морфемы и образуемые ими уровни, принадлежат языку как средству, а

в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 20, стр. 527), т. е. об отсутствии абсолютных граней, разделяющих явления, что, конечно, ни в малой мере не отрицает наличия у явлений качественной определенности, позволяющей различать сами эти явления.

⁴⁸ См.: А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 14.

⁴⁹ Различие слов — единиц языка и слов — единиц речи состоит лишь в том, что слова — единицы речи являются результатом свободного комбинирования морфем по стандартному правилу. Подробнее см.: В. М. Солнцева, указ. соч., стр. 148—160.

единицы высших уровней, например, предложения и образуемый ими уровень, принадлежат речи, т. е. применению языка. Слова же, если считать их единицами некоторого среднего уровня (более высокого, чем уровень морфем, и более низкого, чем уровень предложений), могут принадлежать как собственно языку (воспроизводимые слова), так и речи (производимые слова). В силу этого этот уровень, в отличие от низших и высших уровней, включает как единицы языка, так и единицы речи. Если язык есть орудие или средство, а речь — применение этого средства, то речь можно считать «языком в работе», в функционировании. Для языка как средства в общении словесный уровень является высшим уровнем. Образованные с помощью единиц этого уровня единицы, как правило, уже принадлежат речи (за исключением фразеологизмов и идиом).

Системное свойство языка как средства — уровневая организация не только выявляется в речи, но и сама присуща речи как таковой. Поэтому уровневая организация охватывает и язык как средство, и его применение — речь. Низшие уровни характеризуют только сам язык как средство, высшие — характеризуют речь как применение языка. Отнесение низших уровней к языку, а высших — к речи является следствием того, что язык есть такая система (упорядоченное множество элементов), из элементов которой в процессе речи образуются различные упорядоченные системы, несущие информацию. Правила же образования речевых систем заложены в самом языке как средстве⁵⁰.

*

Уровневая организация языка есть объективное свойство системы языка. В свете изложенного выше, уровень языка можно определить как предельно широкую совокупность относительно однородных единиц (сверхкласс или сверхпарадигму), которые в пределах своего уровня не обнаруживают иерархических отношений друг к другу, но реализуют все свои синтагматические и парадигматические отношения. Единицы, принадлежащие одному уровню, характеризуются качественным своеобразием, отличающим их от единиц других уровней, с которыми они не вступают ни в синтагматические, ни в парадигматические отношения, но только в иерархические отношения.

В общей системе языка уровни представляют собой определенные подсистемы, обладающие своей внутренней упорядоченностью, т. е. структурой. Уровни связаны между собой в единой системе языка через свои единицы.

Выявление уровней системы языка имеет важное значение для раскрытия сущности системной организации языка и познания его природы.

Уровни как особенность организации языкового материала предполагают и соответствующие «уровни его анализа». Если понимать под уровнями анализа этапы, или фазы рассмотрения языкового материала, то таких уровней может оказаться значительно больше, чем уровней организации языка. Единицы, составляющие один какой-либо уровень языковой системы, могут (и обычно должны) рассматриваться поэтапно, с разных сторон, с разными целями. Фонема может рассматриваться как целостное средство различения звуковых оболочек двусторонних единиц и как объект, обладающий определенными свойствами (например, различительными при-

⁵⁰ Единство системы уровней, охватывающей как явления языка, так и явления речи, нашло свое отражение в самом заглавии упоминавшейся работы Фр. Данеша и К. Гаузенбласа: «Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств».

знаками). Во втором случае, очевидно, можно говорить о рассмотрении фонемы в плане ее различительных признаков, т. е. об «уровне анализа» фонемы с точки зрения ее определенных свойств. Однако такой уровень рассмотрения еще не свидетельствует о наличии единиц, составляющих самостоятельный уровень организации языка. Различительные признаки являются свойствами объектов (фонем), принадлежащих одному уровню.

«Уровни анализа» зависят от выделяемых исследователем для рассмотрения свойств и сторон объектов, т. е. связаны с точкой зрения на объекты познающего эти объекты субъекта. «Уровни организации» представляют собой объективные особенности устройства объекта (языка). Их выделение зависит только от правильности нахождения их объективных признаков и свойств, различающих их в самом системном объекте.
